

Р.Д.Тименчик

АХМАТОВА И ПУШКИН. ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ.

I. "Сии живые воды"

Дорога не скажу куда...

Ахматова.

Смысл большинства (а может быть, и всех) поздних ахматовских произведений строится не в последнюю очередь (а может быть, и главным образом) путем включения "чужих" контекстов. И всегда, по нашему убеждению, в количестве большем, чем один. Это значит, что поэтический диалог Ахматовой с другим поэтом — "двух голосов переключка" — подразумевает "третий голос" (и четвертый, и пятый и далее). Напомним продолжение ахматовской цитаты: "Чудится мне на воздушных путях/ Двух голосов переключка./ Двух? А еще..." Конечно, в творчестве Ахматовой представлена четкая, недвусмысленная ценностная иерархия, и конечно, поэтические собеседники источники цитат в каком-то смысле неравноценны — Пушкин, которого Ахматова назвала "первым поэтом", всегда главный источник из всех, связанных с данным текстом. Но свой структурный смысл пушкинские цитаты реализуют только в соседстве и соотносительности с другими. Центр семантического эффекта цитирования гнездится именно в этом "а еще"¹. Поэтому и

¹ "Цитация" — такое включение элемента "чужого текста" в "свой текст", которое должно модифицировать семантику данного текста именно за счет ассоциаций, связанных с текстом источником — цитируемым текстом". (Левинтон Г. К проблеме литературной цитации. — В кн.: Тартуский государственный университет. Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1971, с.52). В этой статье рассмотрен случай почти сходный с нашим: "Цитата-противопоставление: "Печаль моя жирна" (Мандельштам) противопоставляется пушкинскому "Печаль моя светла" и в то же время является цитатой из "Слова о полку Игореве".

предлагаемые заметки обращаются к сравнительно большому количеству непущинского материала. И поэтому же нам кажутся заведомо неплодотворными те попытки интерпретации ахматовских текстов, которые основаны только на соотношении "Ахматова - Пушкин".

Острота восприятия, доступная представителям единого с автором литературного поколения, позволила В.М.Жирмунскому ощутить не поверхностную связь пушкинской и фольклорной традиции в поэзии Ахматовой². Рассмотрим эту связь в стихотворении 1936 года:

Одни глядятся в ласковые ваоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.

Я говорю: "Твое несу я бремя,
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет".
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.

И снова черный масленичный вечер,
Зловещий парк, неслепный бег коня.
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.

А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда.

² Ж и р м у н с к и й В.М. Творчество Анны Ахматовой. Л., "Наука", 1973, с.81. Можно указать ряд случаев использования у Ахматовой именно такой фольклорной лексики, которая встречается и у Пушкина. Один пример: "Дождит жестокая истома" ("И мы забыли навсегда..." 1922) - у Пушкина "Дрема долит" в "Полтаве" (У, 39), ср. в темнично-разбойничьей песне: "Сердечко шепит, дрема долит" (Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., Гослитиздат, 1941, с.238; Желанский А. Сказки Пушкина в народном стиле. М., Гослитиздат, 1936, с.151).

По древней подкапризовой дороге ³,
Где лебеди и мертвая вода.

Цитатность мотива "лебедей" в заключительном стихе несомненна, и нет необходимости приводить многочисленные примеры из русских стихов на царскосельскую тему (вплоть до "Был Иннокентий Анненский последним/ Из царскосельских лебедей" и ранних стихов самой Ахматовой). Очевидно цитатна и "мертвая вода", отсылающая и к ряду стихов, и к целым индивидуальным поэтическим системам начала XX века (Анненский, Комаровский и др.). Но представляется также, что "мертвая вода" отсылает и к архаическим представлениям о живой и мертвой воде ⁴. Сюжетные коннотации этого мотива имплицитно указывают тему опасности пути в прошлое ⁵ (ср. в "Путем

³ В варианте: "...о, туда, туда, / Туда, по подкапризовой дороге" (Вопрос о функции клишированной цитаты из Гете мы здесь не касаемся). Отметим некоторые упоминания подкапризовой дороги в мемуарах о Пушкине лицейского периода. М. Корф: "В то время, когда между Царским Селом и Петербургом, вместо железной дороги и даже шоссе, была еще только прегадкая булыжная мостовая...". Я. Грот: "По въезде в Царское дорога проходила под обоими так называемыми Капризами, т.е. арками с фантастическими башенками в китайском вкусе, соединяющими два обширные царские сада. По обе стороны дороги величественно тянулись покрытые снегом деревья и аллеи с изящными беседками и скамейками" (Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы, Спб., 1899, с. 233, 273).

⁴ "Понятие воды включается в орбиту сразу двух символов — живой и мертвой воды, связанных как частное и общее с оппозицией ж и з н я — с м е р т ь". Смирнов И. П. К изучению символики Анны Ахматовой (раннее творчество). — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., "Наука", 1971, с. 286).

⁵ Не приводя здесь многочисленных цитат из народных сказок, воспользуемся эпизодом из "Душеньки": "Богиня в мщени послала царску дочь / Принести чрез три часа воды живой и мертвой / <...> / Но в сем пути никто не возвращался жив". Б о г д а н о в и ч И. Ф. Стихотворения и поэмы. (Библиотека поэта, большая серия). М., "Советский писатель", 1957, с. 116). У Пушкина этот фольклорный мотив отразился, как известно, в "Руслане и Людмиле".

всёя земли": "Прямо под ноги пулям,/ Расталкивая года,/ По январям и июлям/ Я проберусь туда...", а жанровое приурочение (сказка) - тему заведомой невозможности такого пути. Ср. в прозе Ахматовой: "Людям моего поколения не грозит печальное возвращение - нам возвращаться некуда... Иногда мне кажется, что можно взять машину и поехать в дни открытия Пелловского Воквала, когда так пустынно и душисто в парках на те места,

где тень безутешная ищет меня, но потом я начинаю понимать, что это невозможно, что не надо врываться (да еще в бензинной жестянке) в хоромы памяти, что я ничего не увижу и только сотру этим то, что так ясно вижу сейчас" ⁶.

Несколько завуалированная отсылка к фольклору (мы полагаем, что двуэтапная постепенность интерпретации - к фольклорной формуле через ее омоним - входит в авторское задание) предопределяет и объясняет основную функцию мотива "мертвой воды" в этом стихотворении, о чем дальше.

В этом же словосочетании, по нашему предположению, содержится и пушкинский подтекст, введенный тем приемом, который Ахматова прослеживала у Пушкина - "теньвым портретом" ⁷.

В ахматовских заметках о Пушкине есть оледующая:

"Пушкин в царскосельском парке:

Ветхий пук дерев (ява у овера).

Живые воды (царскосельские водопады)⁸. Сии живые воды (1836).

⁶ М и р м у н с к и й В.М. Цит.соч., с.134-135.

⁷ Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине. Публикация Э.Р.Герштейн. - "Вопросы литературы", 1970, № 1, с.187, 200.

⁸ Употребление слова "водопады" отчасти полемично. Ср.: "Воспоминания в Царском Селе идеализируют однако природу Царского Села до неузнаваемости. Протачивающие шлюзы ручейки названы "водопадами" (вступительная статья Э.Ф. Голлербаха в кн.: Царское село в поэзии. СПб., "Парфенон", 1922, с.7).

Розовое поле ("Гавриилиада"; "Евгений Снегин"
VIII гл.)".

Комментарии Э.Г.Герштейн и В.Э.Вацууро: "На отдельном листке сохранилась более пространная запись Ахматовой: "Дряклый пук дерев - только плакучая ива на берегу озера, которую я помню еще в 90-х годах. Какие дряклые пуки дерев могли быть в Алекс<андровское> время в царкосельском парке ?!"

У Пушкина: "И дряклый пук дерев, и светлую долину"
("Царское Село", 1823; II, 285).

Ср. стихотворения Ахматовой "Ива" (1940; с эпиграфом "И дряклый пук дерев"), "Все души милых на высоких звездах" (1944; строка "У берега серебряная ива/ Касается сентябрьских ярких вод") и стихотворение из цикла "Городу Пушкина" - "Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли"⁹.

Слова "живые воды" - из стихотворения "Была пора: наш праздник молодой" (1836; III, 432). "Розовое поле"¹⁰ упоминается в автобиографических отступлениях в "Гавриилиаде" (IV, 369) и черновиках I-й строфы VIII главы "Евгения Онегина" (VI, 508). Ср. строку в стихотворении Ахматовой

⁹ См. подробнее: С л и н и а Э.В. Пушкинские мотивы в царкосельских стихах Анны Ахматовой. - "Учен. записки Ленинградского пед. ин-та им. А.И.Герцена", 1973, (Пушкинский сборник), Псков, с.129-139. К особой отмеченности пушкинского пейзажа, отраженного у Ахматовой, ср.: "Наблюдения показывают, что процесс творчества соединялся у Пушкина <...> с лесными зарослями где-нибудь около воды" (Миннокутний А н н е н с к и й, Пушкин и Царское село. СПб.; "Парфенон", 1921, с.15).

¹⁰ Мотив "Розового поля" обладает долгой литературной историей - от "Прогулки в Сарском селе" ("Здесь розы воздыханье!") и "Киприды" ("Где желтым среди роз тропи-нам") Державина до стихотворения Анненского "Л.И. Микуч-лич", перечисляющего поэтические приметы Царского села: "Там были розы, были розы, / Пускай в поток их унесло". И дальше в этом же стихотворении - "Там воды выблются светло".

вой "Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли...": "Одичалые розы пурпурным шиповником стали" ¹¹.

Как видим, первый и третий из пушкинских мотивов, переисчисленных Ахматовой, явственно отразились в ее поэзии, причем оба в сходной смысловой интерпретации, близкой к мифологическим моделям: разрушение и исчезновение самих реалий и вечное, посмертное их существование в своей "тени", в поэзии, в слове. А второй мотив из этой триады (ива, водопады, "Розовое поле") обнаруживается на "теновом портрете": "мертвая вода" вместо "живых вод" ¹² это тот же смысловой ход в первой его части. Вторая его часть реализовалась в позднем ахматовском наброске:

Еще я слышу' свежий клич свободы,
Мне кажется, что вольность мой удел,
И слышатся "сии живые воды"
Там, где когда-то юный Пушкин пел ¹³.

Возможность "теневого" присутствия "водопадов" в заключении цепочки мотивов нашего стихотворения подсказывается и последовательностью мотивов в стихотворении 1922 года,

¹¹ Герштейн Э.Г. и Вацуро В.Э. Заметки А.А.Ахматовой о Пушкине. - В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1970, Л., "Наука", 1972, с.38.

¹² Впрочем, не следует вообще ожидать у Ахматовой исключительно однозначных соответствий. И на "портрете в тени" тоже "все двойтся или тройтся", как сказано в "Поэме без героя". Сигнал ахматовского нектюна по контрасту апеллирует и к другим строкам Пушкина: "Когда в тени густых аллей/ Я слушал клики лебедей/ На воды светлые взвоял" (VI, 508) или "Весной, при кликах лебединых,/ Близ вод, сиявших в тишине,/ Являться Муза стала мне" (VI, 165). "Двойтся" и сама топография: Подкапризновый пруд совмещен с водопадами. Но это конструктивный принцип ахматовского кодирования пространственных реалий, невольно подмеченный еще царскосельскими краеведами: "В Царском есть и Екатерининский оред и бронзовые ворота, но нет ворот с орлом" (Г о л л е р б а х Э. Город муз. Л., изд.автора, 1927, с.69). Речь идет о стихотворении "Вновь подарен мне дремотой..."

¹³ Приносим искреннюю благодарность А.Г.Найману за сообщение этого и ряда других цитируемых нами ахматовских текстов.

"Заболеть бы как следует, в жгучем бреду..."¹⁴, смысловая вершина которого - стих "Даже мертвые нынче согласны прийти", а финал - "Буду с милыми <...> глядеть, как струится седой водопад/ На кремнистое влажное дно". Ср.:

Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною,-
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Накаленный музыкой купол,
И водопад белогривый
У Баболовского дворца

(заключение стихотворения "Еность").

Ср. коду одной из строф "Русского Трианона": "И отделили наступившей рад,/ Уже струится первый водопад".

Поскольку предметы пушкинского поэтического мира для Ахматовой всегда (судя по ее пушкиноведческим работам) содержат в себе свою литературную предысторию, в смысловую игру нашего стихотворения включается вся история мотива царскосельских "вод"¹⁵. В частности - у Богдановича

14 В этом стихотворении "приморский сад" может быть автоцитатой из "Чернеет дорога приморского сада..." (1914; в подаренном Ахматовой П.Н. Лукницкому экземпляре "Белой стаи" - помета "Н.В.Н."). Ср. в "Приморском сонете" (1958) о дороге в Смерть: "И все похоже на аллею/ У Царскосельского пруда". Ср. "кремнистое дно" в стихотворении "Заболеть бы..." и "С холмов кремнистых водопады/ Стекают бисерной рекой..." (I, 78). "Образ "кремнистых гор", иногда даже вместе с водопадами, представляет собою прочную стереотипную формулу лирической поэзии конца XVIII - начала XIX века" (Виноградов В.В. Стиль Пушкина, с.126).

15 Равно и не могла Ахматова не обратить внимания на литературного двойника пушкинской ивы в "Славянке" Жуковского: "И на воды легли дерев кудрявых тени/ <...> / То ива дряхлая, до свяхшихся корней/ Склонившись гибкими ветвями,/ Сенкостую главу купает в их струях". Именно к "Славянке" в первую очередь отсылает эпитет в стихе "Все мне видится Павловск холмистый": "...в твои глядятся воды/ Холмы...", "То холм

традиционно числом (вместе с Ломоносовым и Державиным) среди первых певцов Царского села¹⁶. Следует обратить внимание на описание "либища муз" в его поэме "Блаженство народов": "Позвольте мне вступить в оваченны валли рощи/
И оживляющих коснуться валлих вод"¹⁷. Ср. пушкинские "Воспоминания в Царском Селе": "Сады прекрасные, под сумрак ваш священный/
Вхожу с понишкой головой" (III, 189). "либище муз" вполне может быть соотнесено с царскосельским пейзажем - ср. "Стихи к музам на Сарское Село": "Различный вид гульбищ, садов и рощ сгущенных,
/ Где летом проныцать не смеет солнца луч" и там же "Там новые водам открылись пути". Авторская сноска к этому стихотворению:

"Сочинитель, жив в Сарском селе в 1765 году, сочинил там поэму, известную под титулом "Блаженство народов"¹⁸.

Здесь надо сделать отступление о специфике царскосельской темы у Ахматовой - она прямо обозначена как тема "наследства" в "Наследнице" (1959)¹⁹ и в стихотворении 1929 года: "Тот город, мной любимый с детства,
/ В его декабрьской тишине / Моим промотанным наследством /

муравчатый...". Заметим, что в этом стихотворении 1915 года о Павловске, посвященном Н.В.Недоброву, есть и "неживая вода" (ср. в "Славянке": "над усыпленной водою").

16 Для Ахматовой особенно значимо, что Анненский сказал о молодом Пушкине - "бредил Богдановичем" (Инокентий Анненский и др. Цит.соч., с.17).

17 Богданович И.Ф., с.188

18 Богданович И.Ф., с.181. О "конкретном" и точном описании Царского села в его тогдашнем состоянии и "воспроизведении реальных чудес дворцово-парковой архитектуры Царского села" см. во вступительной статье И.З.Сермана к цитируемому изданию (с.34). Особо отметим упоминание "Розового поля": "И всюду розами усыпаны дороги" (с.67).

19 К этому стихотворению взят пушкинский эпиграф "От царскосельских лип..." (II, 310) - отсюда и "липы дивной красоты" в нем. К Царскому селу относится и "В тени блаженных лип" в стихотворении "Памяти В.С. Срезневской" (1964).

Сегодня показался мне" в одном из источников это стихотворение имеет помету "Ц.С.". Стихи Ахматовой, посвященные этому городу, всегда предельно насыщены цитатами из царскосельских стихов XVIII—XX веков. Укажем хотя бы на стихи Вяземского. Ср. например, "Тот год д, мной любимый с детства..." и "Зимнюю прогулку". Не станем выписывать целиком оба стихотворения, приведем лишь по одной строфе каждого:

Все так таинственно, так чудно;
Глядишь — не верится глазам.
Вчерашний мир спит беспробудно,
И новый мир открылся нам ²⁰.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

Стихотворение "Все души милых на высоких звездах..."²¹ уже зачином своим отсылает к царскосельскому стихотворению Вяземского "Все сверстники мои давно уж на покое..." (1872)²², но проецируется и на другое его стихотворение "Смерть жатву жизни косит, косит..." (1841). Ср. "Здесь столько лир повешено на ветки" и "Как много уж имен прекрасных/ Она отторгла у живых,/ И сколько лир висит безгласных/ На кипарисах молодых"²³. Впрочем, не менее существенна здесь отсылка к написанному в

²⁰ В я з е м с к и й П.А. Стихотворения. (Библиотека поэта, большая серия). Л., "Советский писатель", 1958, с.384.

²¹ Вопрос о датировке этого стихотворения сложен. Несомненно только, что оно относится к событиям осени 1921 года.

²² В я з е м с к и й П.А., с.386.

²³ В я з е м с к и й П.А., с.266.

в Лицее "На смерть Державина" Дельвига: "Вот прах вешуна,
вот лира висит на ветвях кипариса" ²⁴. В другом царско-
сельском стихотворении Ахматовой "Хорошо здесь: и шелест
и хруст..." (1922) стихи "В белом пламени клонится куст/
Ледяных ослепительных роз" реминисцируют "Царскосельский
сад зимою" Вяемского: "Твой Бенвенуто, о Россия,/ Наш
доморощенный мороз/ Вплетает звезды ледяные/ В венки пу-
шисто-снежных роз" ²⁵. В этом же стихотворении Вяемского
в финале находим сочетание мотива "водопадов" с темой
"внутренней жизни" посреди "оцепенения":

Но в этой тишине глубокой,
Питающей дремоту дум,
Местами слышен одинокий
Переливавшийся шум.

Под холодной снежной пеленою
Тень жизни внутренней слышна,
И, с камней падая, с волною
Перекликается волна ²⁶.

В ряде других царскосельских стихотворений мотив "вод",
представленный уже синекдохически, венчает тематическое
развертывание текста и соотносится с темой "возрождения",
"воскрешения". Ср. особенно важное для нашего текста мо-
тивом "воскрешения вечера" стихотворение Василия Комаров-

²⁴ Дельвиг А.А. Полное собрание стихотворений.
(Библиотека поэта, большая серия). Л., "Советский пи-
сатель", 1959, с.112. Ср. антитезу "белоснежных (в
варианте: царскосельских) нарциссов" и "надмогильных
кипарисов" в "Если плещется лунная жуть..." (1928).
Ср. в стихотворении Мих.Струве "Памяти Н.В.Недоброво":
"...Вы спите/ В Тавриде сладостной. Гурзуфский ветер,
Которым некогда дышал и Пушкин,/ Трепещет над холмом
могильным. Волны,/ Его встречавшие могучим гулом,/ Шу-
мя протяжно, пестуют ваш сон./ Вдвигают кипарисы черный
пламень/ В лазурный воздух."

²⁵ Вяемский П.А., с.358.

²⁶ Вяемский П.А., с.359.

ского "La statue cassée", обращенное к воспетой Пушкиным и Ахматовой статуе Перетты ²⁷: "Я вечер воскрешу, и поглотят меня/ Деревьев сумерки. Безумолчно звеня,/ Пускай смешается с листовым многотуманом/ Гремячая струя и отдых мой бездумный" ²⁸. Ср. концовку известного стихотворения Деларю к тому же памятнику: "Снова здесь вижу тебя, живо-творный мой гений, надежда! / Так из развалины благ бьет возрождения твой ток!" ²⁹

27 См. в другом стихотворении Комаровского "То летний жар, то солнца глаз пурпурный..." о той же статуе и обитане: "Из черных урн смарагдовых полей/ Бежит вода стремительно и бурно, / И был тяжел ей лета пыл мишурный, / И ей бодрей белять и веселей".

28 Попутно укажем некоторые другие возможные отражения поэзии Комаровского в царскосельских стихах Ахматовой: А снегом искрится и блещет скат отлогий... ("Мы любовитствуя прошли дворец и своды...")

Ср.: "Как я люблю пологий склон зымы" ("Русский Трианон").

И падает осенняя награда —/ Блистательный широкий светлый дождь ("Как этот день сегодня тонок...")

Ср.: "А этот дождик, солнечный и редкий, / Мне утешенье и благая весть" ("Все души милых на высоких звездах...")

Лишь ветер налетит и жжет, немного пряный... ("Мы любовитствуя прошли дворец и своды...")

Ср.: "И полный счастья и веселья ветер, / С небесных круч слетелый на меня" ("Одни глядятся в ласковые взоры...")

И, наконец, в связи с обсуждаемым местом:

И темным путником ко мне стучалась ночь

Водою мертвою поила. ("И горечи не превозмочь...")

29 В цитируемом пушкинском контексте: "Вы помните — как оживились вдруг/ Сии сады, сии живые воды, / Где проводил он славный свой досуг" (III, 432). "Цитата", "ссылка" потенциально вмещает в себя всю ту литературно-художественную структуру, откуда она заимствуется или куда она обращена" (В и н о г р а д о в В. О стиле Пушкина. — "Литературное наследство", т. 16-18. М., журнально-газетное объединение, 1934, с. 153-154). Поэтому в смысловое содержание стихотворения "Одни глядятся в ласковые взоры..." тeneвая цитата "мертвая вода" вводит трагическую антитезу ситуации встречи монарха оживляющейся природой в пушкинском стихотворении, восходящей, в свою очередь, к одической традиции. "Не жизнь ли человек нам сей водопад изображает?"

Таким образом, чисто-литературные подтексты "мертвой воды" уже содержат в себе потенциальную возможность подключения к фольклорной семантике. Интересней другое: трагическая невозможность "воскрешения прошлого" передана в нашем тексте прямой отсылкой именно к первому из пары последовательных элементов сказочного сюжета "охлаждения" - к "мертвой воде"³⁰ (при "теневого" отсылке к "живой воде" через "сии живые воды").

"Мертвая вода" - "благо для умершего, вода для мертвых". <...> Можно предположить, что эта вода успокаивает умершего, т.е. дает ему окончательную смерть или право на пребывание в области Аида.³¹

"Памяти Николая Владимировича Недоброво" - помета, которой сопровождается это стихотворение во многих источниках. Как известно, его памяти посвящен и царскосельский лирический эпизод "Поэмы без героя" ("А теперь бы домой скорее...")³², из которого напомним два стиха: "В ледяной таинственный сад, / Где безмолвствуют водопады"³³.

30 . На основании сказочных текстов можно с достоверностью заключить, что одна вода, мертвая или целующая, применяется, во-первых, по отношению к мертвому, и, во-вторых, для возвращения его телу целостности, тогда как другая вода, живая или живущая, применяется к мертвецу, чье тело уже стало целым, для превращения его в живого человека". И в а н о в Вяч.Вс., Т о п о р о в В.Н. Славянские языковские моделирующие семиотические системы (Древний период). М., "Наука", 1965, с.83).

31 П р о п п В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., изд-во ЛГУ, 1946, с.180.

32 Сопоставлению этого лирического отступления - "Последнего воспоминания о Царском селе" с пушкинскими "Воспоминаниями в Царском Селе" именно по мотиву водопадов см. в статье: Ц и в ъ я н Т.В. Заметки к децифровке "Поэмы без героя". - "Ученые записки Тартуского гос.ун-та", 1971, вып.284. Труды по знаковым системам, 5. Тарту, с.272.

33 Ср.: "Существует мнение, что живая вода обозначает летнюю воду, текущую, а мертвая вода - зимнюю, лед". И в а н о в Вяч.Вс., Т о п о р о в В.Н. Цит.соч. с.83.

Краткие сведения о Недоброве приведены в последней книге В.М.Мирмунского³⁴. Существенна для нашей темы та аура пушкинских интересов, которая окружала его³⁵. Сошлемся на воспоминания А.И.Белецкого:

"... спутник, друг и поэт, гламатый красот Петербурга, нетерпеливо влечет <...> к живым расцвеченным гравюрам, где красный цвет зданий сочетается с черными штрихами садовых решеток и голых веток, увешанных гирляндами снежных пушин, — вдоль по строгим, струною вытянутым набережным, переулкам и улицам. Девятисотые годы уступили вдруг восьмисотым: не друг-поэт, а сам Пушкин водит приятеля, приезжего из какой-нибудь Черниговщины, по просторнейшим площадям, скандируя с металической четкостью:

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром...

и тудо! Столица снова становится надменной <...> А не страшщийся студеного ветра неиссякаемый фонтан друга струится и дальше:

Когда полночная царица
Дарует сына в царский дом" 36

34 Мирмунский В.М. Цит.соч., с.42-43, 179.

35 "Наиболее пламенным был у него культ пушкинской поэзии, благоговейно восторженным было его отношение к Баратынскому, и наиболее входившей в самые истоки его духовного мира была поэзия Тютчева" (С а з о н о в а - С л о н и м с к а я Ю. Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета. — "Русская мысль", 1923, №6-8, с.298).

36 Воспоминания А.И.Белецкого цитируются по статье И.Я.Айзенштока "Из ранних лет научно-литературной деятельности А.И.Белецкого". — В кн.: Искусство слова. Сборник статей к 30-летию члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Дмитриевича Благого. М., "Наука", 1973, с.399. Приводимые мемуаристом стихи из "Медного всадника" цитируются ("Как я запомнила высокий царский дом") в стихотворении Ахматовой "В последний раз мы встретились тогда..." (1914). Нам представляется, что Недоброво в своей статье об Ахматовой подразумевал, что

Пушкинскими реминисценциями пронизаны все стихи Ахматовой, обращенные к Недоброву. Достаточно вспомнить "Царскосельскую статую" и "Вновь подарен мне дремотой..." (1916). В последнем, тематически развивающем сопоставлении Вахчисарая с Царским селом³⁷, стих "У задумчивой воды" имеет своим источником едва ли не "при шуме вод живых" из "Вахчисараяского фонтана".

Само совмещение фольклорного и пушкинского планов (предваренное сочетанием "по древней"³⁸ подкапризовой дороге) в заключении стихотворения "Одни глядятся в ласковые взоры...", написанного ровно через сто лет после "Была пора: наш праздник молодой..." и через двадцать лет после прощания Ахматовой с Недоброву, имеет особый смысл, который проявляется в сопоставлении со стихотворением Недоброву "Царское село":

Чужды преданьям и народу
Дворцы и церкви рококо,
Они, сменившие природу,
Все отдвинув далеко,
И генералы в римских тогах,
И гладь искусственных озер,

оно обращено к нему: "И что-то, хоть и очень мелко человеческого понимал тот, кто как сообщается в одном стихотворении, в день последнего свидания

... говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине - нелепость"

(«Русская мысль», 1915, №7, отд. 2, с. 61).

37 Возможно, аналогичное сближение сокрыто в "Наследнице", где стих "Средь этих опустелых зал" цитирует пушкинское: "Зарему я воображал / Сред пыльных, опустелых зал" (VI, 201).

38 Эпитет "древний", появившийся в окончательном варианте, так же, как и в первом стихотворении из цикла "Городу Пушкина" "громада парка царского" было замечено на "древнего", тоже отсылает к пушкинской традиции: "воспоминанья древних лет" и "адлеи древних лип" в "Воспоминаниях в Царском Селе".

И желтый гравий на дорогах
И трав остриженный ковер.
Нас - было время - легкокрылой
Европой замутил угар,
И вырос из болот унылый
И стройный каменный кошмар.
Не видно нив и слез отсюда,
И мысль, возникнувшая здесь,
Туманится над жизнью люда,
Бессиля и яда смесь

(РО ИРЛИ, ф. 201, ед. хр. 41, л. 18).

Некоторое поэтическое несовершенство не подготавливавшегося для печати стихотворения Недоброво может, обнажая его декларативную сторону, подсказать слово "полемика" для характеристики взаимоотношения этих двух лирических стихотворений. Думается, что важнее не полемика, а само смысловое движение в пределах тех же категорий: "дворцы и церкви" и "преданья и народ", "подкапризовое" и "древнее" ³⁹. Второй оппозиит реализуется и названием "масляничного вечера" ⁴⁰, который у русского читателя не может не ассоциироваться с "привычками милой старины" (VI, 47) и "двурогого свидетеля", отсылающего к строфе, которая кончается стихами "Кладой двурогой лик луны/ На небе с левой стороны", а начинается - "Татьяна верила преданьям/ Простонародной старины" (VI, 99). Пафос ахматовского стихотворения, в известном смысле, заключается в снятии

³⁹ Та же оппозиция развернута в стихах Комаровского: "Мы, лобопытствуя пролили дворец и своды, / Где тень внезапно леденит. / Но равнодушье безумного народа / Их предрассудок сохранит", или: "Ни этот павильон хандры порфирородной / Предел, поставленный тоске простонародной..." ("La cughe sazzee"). Ср. о "быстро" и пламенной дружбе Недоброво и Комаровского в: С а з о н о в а - С л о н и м с к а я Ю. Цит. соч., с. 293.

⁴⁰ Ср. в варианте первого стихотворения из цикла "Городу Пушкина": "на масляной блины, ухабы, вейки".

этом оппозиции, и реализатором является "Пушкин".

Тема "умирания" и "воскрешения" царского села, присут- ствовавшая в творчестве Ахматовой как некоторая "схема", впоследствии заполнившаяся "автобиографическим материа- лом" ⁴¹, связывает ее стихи разных периодов. Сравним "Пер- вое возвращение" ("На землю саван тягостный возложен...") -

Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо,

Как будто миру наступил конец.

Как навсегда исчерпанная тема ⁴²

В смертельном сне покоится творец.

и "Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли..." -

Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,

Я в беспамятстве дней, забывала теченье годов, -

И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собой

Очертанья живые моих царскосельских садов.

Всем вышесказанным мы отчасти подошли к наиболее труд- ной и гадательной стороне проблемы "Ахматова и Пушкин": специфически ахматовское "прочтение" Пушкина. Так например,

⁴¹ Мы цитируем здесь ахматовскую концепцию "Сказки о зо- лотом петушке" (см. ее ст.: Последняя сказка Пушкина. - "Звезда", 1933, № 1, с.161-176).

⁴² Этот стих автометаописательно указывает на осмысле- ние литературной судьбы некоторых царскосельских мо- тивов в категориях умирания-воскрешения. Когда Ахма- това вводит в "Русский Трипанон" стих о Пушкине: "Где тень его над томом Апулея", то она "воскрешает", "оживляет" пушкинскую цитату, уже омертвевшую (ср. "Цитата окаменела". - А х м а т о в а А. Алексан- дринна. - "Звезда", 1973, № 2, с.212), низведенную до штампа. Ср.: "И чудится, что томик Апулея/ Среди листов лежит передо мной..." (Владимир Палей. Перед памятником Пушкина в Царском селе, 1916; кстати го- воря, судьба В.Палея тоже входит в царскосельские подтексты Ахматовой). Этому штампу предшествовал и "растрепанный том Парни". Ср. мнение Александра Сло- нимского ("не без влияния Ахматовой") о строках Вс. Рождественского: "О чем задумался, отбросив Апулея/ На бронзово- скамье курчавый лицеист" ("Книга и ре- волюция", 1922, № 4(16), с.45).

можно предположить, что "Повсюду роз живые ветки/ Цветут и дышат по тропам" в "Руслане и Людмиле" (IV, 31) ⁴³ Ахматовой понималось как сознательное "оживление" исчезнувшей в действительности реалии - "Розового поля", аналогичное смысловым построениям в ее собственной поэзии.

II. "Страдальческая тень"

... Это тени,
Оторвавшиеся от тел.

Ахматова.

В 1946 году написано стихотворение "Вторая годовщина":

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.
Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кров - трезвит и сушит
Их всесжигающая соль.
Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертom
Твоя страдальческая тень.
Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, -
И я свой город увидела
Сквозь радугу последних слез.

43

"Я склонен думать, что известное изображение волшебных садов и чертога во второй песне "Руслана и Людмилы" не осталось без влияния картины царскосельского сада в дворца" (Минно Kentий А н н е н с к и й. Цит.соч., с.17).

Комментарии Ахматовой к этому стихотворению содержались, видимо, в ее утраченной прозе: "В первый раз я написала несколько страничек прозой в 1944, вернувшись из Ташкента. Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразила меня, что я не удержалась и описала эту мою с ним встречу ("Столицей распятой иду я домой"), "Когда я вернулась (1 июня 1944) в Ленинград, мне хотелось писать только прозу. Три очерка: "Послеблокадный Ленинград", "Три сирени" (поездка в Пушкин в июне 1944) и "Териоки в июле" 44.

Третья строфа, как кажется на первый взгляд, обращена к "своему городу" 45. "Страдальческая тень" - загробная тень. Это явствует из другого поэтического отражения того же эпизода возвращения в Ленинград: "Знакомые зданья/
Из смерти глядят" (из позднейшей вставки в поэму 1940 года "[Путем всея земли]"). Но "страдальческая тень" - это цитата из "Евгения Онегина", взятая в кавычки в одном из авторграфов.

44 Цит. по ст.: М а н д р ы к и н а Л.А. Ненаписанная книга. "Листки из дневника" А.А.Ахматовой. - В кн.: Книжки. Архивы. Авторграфы. Обзоры, сообщения, публикации. М., "Книга", 1973, с.61, 69. Автор этой публикации любезно содействовал нам в наших архивных разысканиях.

"Три сирени" - видимо, проза на ту же тему, что и первое стихотворение из цикла "Городу Пушкина". Ср.: "12 июня 1944. <...> Вчера был и радиомитинг в Пушкине (145 лет со дня рождения). Митинг происходил в Доме культуры, бывшей ратуше, как сказала мне Ахматова. Поднимаясь по лестнице она добавила: "Сколько раз я танцевала здесь..." (И н с е р В. За много лет. М., "Советский писатель", 1964, с.436). О составе мотива царско-сельской сирени у Ахматовой см. в другом месте.

45 Ср. в стихотворном наброске "Городу": "Весь ты сг-
ранный на шарманке, / Отразившийся весь в фонтанке, /
С ледоходом уплывший весь / И подсунувший тень мира-
жа...."

Напомним контекст:

Быть может, он для блага мира
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла. Поэта,
Быть может, на ступенях света
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тень,
Быть может, унесла с собою
Святую тайну, и для нас
Погиб животворящий глас,
И за могильною чертою
К ней не домычтся гимн времен,
Благословение племен

(VI, 133).

Есть основания предположить ("все двойтся или тройтся"!) двойной адресат "страдальческой тени" во "Второй годовщине" — такой же по типу, как в посвящении Эпикопа "Поэмы без героя": "Городу и Другу". Сравним вторую часть пушкинской строфы с цародосельским эпизодом "Поэмы без героя" (этот эпизод — позднейшая вставка, "появившаяся в машинописной копии 1944 года")⁴⁶:

Что над княстью встал мятежной,
Незабвенный мой друг и нежный,
Только раз приснившийся сон,
Чья сядла княя сила,
Чья забыта навек могила⁴⁷,
Словно вовсе и не жил он.

⁴⁶ И р м у н с к и й В.М. Цит.соч., с.154.

⁴⁷ Ср. о могиле Ленского: "... памятник унылый/ Забыт" (VI, 142).

А также:

Разве ты мне не скажешь снова.

Победившее смерть слово

И разгадку жизни моей?

Царскоесельское отступление посвящено Недоброву. По нашему предположению, к нему (как и к Городу — одновременно) относится "страдальческая тень". Тень "глашатая красот Петербурга" совмещена с "призраком" Города. (Ср. в "Поэме без героя": "тень моя на стенах твоих"). Это совмещение — следствие сменения двух противоборствующих мотивов отечественной петербургологии, представленных и в воззрениях Недоброво: "люблю тебя, Петра творенье" и "Быть пусту месту сему" (напомним, что обе эти цитаты взяты эпитаграмми к Эпиллогу "Поэмы"). Декламированные соответствующих отрывков "медного всадника" засвидетельствовано вышеприведенными воспоминаниями А.И.Белецкого, а отношение Недоброво к пророчеству "царицы Авдотьи" отражено в принадлежащем, несомненно, ему тексте повести вечера стихов на тему "красоты Петербурга" в руководимой им "Обществе Поэтов" (1913): "Совет Общества предуведомляет, что стихи о Петербурге на тему "месту сему быть пусту" едва ли соответствовали бы духу предполагаемого заседания" ⁴⁸. Как видим, Недоброво отказался от настроений, вызвавших восемью годами ранее его стихотворение "Царское село", отсылку ко второй части которого (относящейся, видимо, уже к Петербургу) ⁴⁹ соблазнительно было бы видеть в синале "Второй годовщины" ("не видно нив и слез отсюда").

48 "Письма Александра Блока". Л., "Колос", 1925, с.212.

49 Соположение Царского села и Петербурга см. в стихотворении Ахматовой "Последнее письмо" (1913): "О, спутник мой неосторожный, / Мой друг равниный и тревожный, / Ты не пришел за мной сюда. / Сентябрь, печаль и холода, / А возвращенье невозможно / В тайнственные города. / Их два, — один другому равен / Суровой красотой своей / И памятью священной славы". Ср. поэтому Синале "Второй годовщины" и заключение стихотворения Анненского "Л.И.Бликулич": "Скажите: "Царское село" — / И улыбнемся мы сквозь слезы".

"Сюжет" стихотворения — слезы, прорвавшиеся сквозь былию "бесслезность" (ср.: "Но в мире нет людей бесслезней, / Надменнее и проще нас", 1922; "И раскаленные смежая веки, / Там снова обрету я слезный дар", 1924; "Но выкипела, не дойдя до глаз, / Глаза мои не освежила влага.", 1938) — может быть связан с размышлениями Ахматовой о пророческой статье Недоброво: "Как он мог угадать жесткость и твердость впереди. Ведь в то время принято было считать, что все эти стишки — так себе сентименты, слезливость, каприз..."⁵⁰

"Возвращение" — смысловой стержень всех лирических мотивов стихотворения — возвращение Автора в "свой город", возвращение слез к "Музе Плача" и возвращение "страдальческой тени". Ср. конец стихотворения 1916 года "Вновь подарен мне дремотой...", посвященного прощанию с Недоброво: "И откуда в царство тени / Ты ушел, утешный мой"⁵¹.

В одном из вариантов стихотворение имеет второй заголовок: "Простые ритмы". Это косвенное указание на заведомую тематическую простоту и традиционность мотивов проясняется характером контекста пушкинской цитаты. Входящая в "поэтический некролог" Ленского вышенаписанная строфа, "вся написанная в тональности самого Ленского, возникает

⁵⁰ Ж и р м у н с к и й В.М. Цит.соч., с.42. Недоброво в соответствующем месте своей статьи говорит про "лирическую душу (...), скорее жестокою, чем слезливую" ("Русская мысль", 1915, № 7, отд.2, с.63).

⁵¹ О смерти Недоброво сообщил Ахматовой в 1920 г. Мандельштам. "Он узнал об этом несчастье в Коктебеле у Волошина. И никогда никто больше не мог сообщить мне никаких подробностей" ("Длистки из дневника"). То, что "тень" в анализируемом стихотворении возникает на "стертом шелку" требует реального комментария. Теневой силуэт Недоброво был необычайно красив, — зная это, он повесил в кабинете, где принимал гостей, сбоку от рабочего стола, парчовую занавеску, на которую падало отражение его профиля (сообщено нам его близкой знакомой Т.М.Давель в 1972 г.). Первоисточник рассказа о страдальческом умирании Недоброво — письма его жены к Волошину (РО ИРЛИ), напр., от 13-Х-1919 г. ("страшно задыхается при каждом движении", "отек легких").

из его поэтической атмосферы»⁵² и отсылает к тематике элгий начала XIX века — ранняя смерть поэта. Апология слез, через пушкинскую цитату отсылает к пушкинской традиции⁵³ и сочетается с возвращением к традиционной, «прямой» элегической теме, но поданной «и впрям, и в самом деле, без элегических затей» (ср. «...не ни к чему одичавшие рати и красельсть элегических затей...»). Применение поэтической фразологии пушкинской эпохи к личности Недоброво (ср. выше в отрывке из «Поэмы» «юность мятежную») вызвано как бы двойным бытием адресата — одновременно в «девятисотых» и «восемьсотых» годах⁵⁴.

Цитируемый пушкинский стих и сам «двоится», отсылая к другому упоминанию Ленского (в той же ритмико-фразовой форме):

По крайней мере, из могилы
Не вышла в сей печальный день
Его ревнующая Тень⁵⁵ (VI, 422)

52 Р у к о в с к и й Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., Гослитиздат, 1957, с.235.

53 Ср., например, о «слезах» в лирике Пушкина 1816-1817 гг.: Т о м а ш е в с к и й Б. Пушкин. Книга первая (1813-1824), с.96. Ср. при описании могилы Ленского: «Глазами беглыми читает / Простую надпись — и слеза / Туманит нежные глаза» (VI, 134).

54 Помимо воспоминаний Белецкого, ср.: «У него лицо Чаадаева, он совсем из сороковых годов» (С а з о н о в а - С л о н и м с к а я Ю. Цит.соч., с.289).

55 «Термин «тень», неизменно употребляемый Пушкиным для обозначения личности после смерти, опять-таки именно в этом необычном смысле часто встречается у Батюшкова» (Г е р ш е н з о н М.О. Пушкин и Батюшков. — В кн.: Атены. Историко-литературный вестник. Книга первая-вторая. Л., «Атены», 1924, с.35-36). В этой связи Гершензон, приведя ту же строфу из черновиков «Снегина», рассматривает «Привидение» Батюшкова. Примечательно, что С.И.Бернштейн в своих маргиналиях к стихам Ахматовой (личный архив А.Ивича) сопоставлял с «Привидением» стихотворение «О нет, я не тебя любил...» (1917).

И из этого вытекает, что сокрытый смысл пушкинской цитаты во "Второй годовщине", возможно, связан с особыми биографическими обстоятельствами возвращения Ахматовой в Ленинград и заключается в том круге творческих импульсов, о котором Ахматова говорит в одной из заметок: "С другой стороны, моя работа помогает установить до сих пор не удовлетворенные комплексы Пушкина: боязнь счастья, т.е. потери его (т.е. неслыханного жизнелюбия), и загробной ревности - загробной верности (примеры: Ленский, Командор, Ксения Годунова, Дюна Анна)" ⁵⁶.

Нашей предположительной атрибуции не противоречит то, что "страдальческая тень", -"говоря языком поэмы, это тень, получившая отдельное бытие" ⁵⁷ и ассоциативная цепочка может связать ее с принципиально бесконечным рядом текстов (и личностей).

х х х

56 "Вопросы литературы", 1970, № I, с.164. Заметка относится к статье Ахматовой "Каменный гость" Пушкина, написанной почти одновременно со "Второй годовщиной" (1947). См. в этой статье "Темы загробной ревности касается Пушкин в седьмой главе "Онегина" в связи с могилой Ленского и изменой Ольги

Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой... (VI,143).

По крайней мере, из могилы
Не вышла в сей печальный день
Его ревнующая Тень.
И в поздний час, Гимену милый,
Не испугали молодых
Следы явлений гробовых - (VI,422)

как бы разочарованно говорит Пушкин и ищет сюжет, где бы разгневанная и ревнующая тень могла явиться". - В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II, М.-Л., изд-во АН СССР, 1958, с.194).

57 Слова из прозаической заметки Ахматовой о "Поэме без героя" ("Ж и р м у н с к и й В.М. Цит.соч., с.148).

Н.В.Недоброво был одним из самых замечательных представителей ахматовского поколения.

В заключении статьи о "Каменном госте" Ахматова пишет: "в отличие от Байрона, который (по оценке Пушкина) "бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвернулся от них и погрузился в самого себя" (XI,51), Пушкин, исходя из личного опыта, создает законченные и объективные характеры: он не замыкается от мира, а идет к миру.

Вот почему самопризнания в его произведениях так незаметны и обнаружить их можно лишь в результате тщательного анализа. Откликаясь "на каждый звук", Пушкин вобрал в себя опыт всего своего поколения" ⁵⁸. То, что сказано последней фразой, можно и должно сказать и об Ахматовой. Это и сказал впервые именно Недоброво, в стихах и в прозе. В стихах, обращенных к Ахматовой:

Как ты звучишь в ответ на все сердца,

Ты душами, раскрывши губы, дышишь,

Ты в приближеньи каждого лица,

В своей крови свирелей пенье слышишь! ⁵⁹

В прозе - в статье "Анна Ахматова": "К Ахматовой надо отнестись с тем большим вниманием, что она во многом выражает дух этого поколения и ее творчество любимо им" ⁶⁰.

58 Пушкин. Исследования и материалы, т.II, с.195.

59 Из стихотворения "С тобой в разлуке от твоих стихов..." (опубликовано в кн.: Альманах Муз, Пг., "Федана", 1916, с.118). К мотиву "загробной ревности" ср. в этом стихотворении: "Беспечной откровенности со мной/ И близости - какое наважденье!/ Но бреда этого вбирая зной,/ Перекипает в ревность наслажденье./ <...> / Теней ты знаешь, чем я так томим? - / Ты, для меня не спевшая ни звука".

60 "Русская мысль", 1915, № 7, отд.2, с.67.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра русской литературы

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 215

П У Ш К И Н С К И Й С Б О Р Н И К

Выпуск 2

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1974